Архиепископ ИОАНН С. Ф.

# СЕКТАНТСТВО В ПРАВОСЛАВИИ И ПРАВОСЛАВИЕ В СЕКТАНТСТВЕ

1963

АРХИЕПИСКОП ИОАНН С. Ф.

# Сектантство в Православии и Православие в Сектантстве

Сан Франциско, Калифорния
1963

# СЕКТАНТСТВО В ПРАВОСЛАВИИ И ПРАВОСЛАВИЕ В СЕКТАНТСТВЕ

Ошибочно думать, что все православные суть действительно не сектанты и что все сектанты суть действительно не православные. Не всякий православный по имени таков по духу, и не всякий сектант по имени таков по духу, и в настоящее время в особенности можно встретить «православного» настоящего сектанта по духу своему: фанатичного, нелюбовного, рационально узкого, упирающегося в человеческую точку, не алчущего, не жаждущего правды Божией, но пресыщенного горделивой своей правдой, строго судящего человека с вершины этой своей мнимой правды — внешне догматически правой, но лишенной рождения в Духе. И, наоборот, можно встретить сектанта, явно не понимающего смысл православного служения Богу в Духе и Истине, «непризнающего» то или иное выражение церковной истины. Но на самом деле таящего в себе много истинно Божьего, истинно любвеобильного во Христе, истинно братского к людям.

И наличие таких смешений в христианском обществе не позволяет легкомысленно подойти к вопросу вероисповедных отношений. Сектанты грешат в непонимании Православия, но и мы, православные, не следуем своему Православию, не понимая их, сектантов, иногда удивительно пламенно и чисто устремленных к последованию за Господом, к жизни в Нем, Едином.

Человеческий узкий, гордый, больной разум не преоб-

раженный в Духе Божием, одинаково стремится к разделению и ищет повода к нему, кому бы он ни принадлежал этот разум — православному или сектанту.

Мы, православные, веруем, духовно видим, что имеем полноту человечески выраженной истины. Но это совсем не значит, что мы уже следуем этой полноте истины и что эта полнота наполняет нас. Мы иногда имеем ее только на языке, или думаем, что она у нас в глазу должна заменить бревно духовной нашей лености. Но все это далеко не так. Истину мы имеем, и полную, но жить в ней не хотим или не умеем, и просто часто не стремимся жить в ней, ибо она очень стеснительна для нашего «ветхого человека». А погордиться, повеличаться своей православностью мы не прочь.

Тогда как среди иновероисповедных христиан есть множество живущих в истине Православия — духом своим. Есть сектанты, которые горят духом и любовью к Богу и к ближним гораздо более, чем иные православные, и вот этот дух горения любви к Богу и к человеку есть признак истинного жизненного Православия. Кто его не имеет среди православных, тот не истинно православный, и кто его имеет среди неправославных, тот истинно православный. По человечески он заблуждается, по человечески он не понимает того или другого, не видит тот или иной цвет в природе духовного мира (духовный дальтонизм; не видит, напр., смысл икон, общений со святыми, ушедшими из этого мира), но по духу, по внутреннему человеку он — «верный и истинный», нелицемерной любовью преданный Живому Богу Воплощенному, Господу Иисусу Христу — до смерти. Наличие таких подлинно православных христиан замечается, как среди православных по умоисповеданию, так и среди римо-католиков, также среди протестантов всех оттенков, к каковым оттенкам принадлежат и русские сектанты, сектаризировавшиеся, т. е. отделившиеся умом и опытом от догматического исповедания Церкви, отчасти из-за непонимания этого исповедания в Духе, отчасти из-за дурных примеров осуществления этого исповедания в жизни. Всякому православному ясно, что православные по своему умо-исповеданию люди часто являются не только не назиданием для общества, но прямым развра-

щением этого общества. Не говорим о примерах политиков, общественных деятелей: они касаются, конечно, и в большой степени и нас, духовенства, не всегда стоящего на духовной высоте Православия, несмотря на ясное сознание истинности своей Церкви. А монастыри... сколько было глубокого неправославия, мирского, тленного духа, подчас, под смиренной одеждой монаха. И все «легковесное», гнилое, всплывало на поверхность церковной жизни и более бросалось в глаза, чем истинно смиренный, самоотреченный труд множества пастырей и иноков подлинного Православия, жизнью своею шедших за Христом и умиравших во Христе. Революция показала, обнажила слабый слой православного русского священства, но она же подчеркнула мученическое исповедничество православной жизни у большинства священников. Кто-то сказал, что наличие сектантства показывает религиозность народа. Можно сказать и так: наличие сектантства показывает православность народа, его горение духа, его стремление к идеалу, его жажду не внешней религии, но внутренней, жажду своего сердечного завета с Богом. И это по существу есть Православие. В наличии сектантства, православный, а тем более священник, всегда более виноват, чем сектанты. Думать так — не является ли думать — по православному, беря на себя вину и ответственность за отделившихся братьев? Иначе не будет Христовой правды — если не взять на себя вину. Человеческую правду можно осуществить в признании виновными сектантов, но Христова правда иная, «безумная» для мира, мудрая лишь — для Бога.

Ни спорами, ни диспутами, ни препирательствами, ни грубыми обличениями нельзя показать ту положительную силу Духа Божьего, который живет в Православии, который есть само Православие. Этот дух можно выявить лишь в «безумном» по человечески отречении от своих разумных прав и предоставлении Суда — Духу.

В православной апологетике надо, прежде всего, делать ясное и твердое ударение на разъяснении смысла вероучения в жизни.

Надо ясно понять, что Православие есть страшный Огонь, как Святые Тайны. Принимающих полноту Православия его огонь, либо преобразит, либо сожжет. Право-

славие создало дух русского народа, но оно же и ввергло русский народ в огонь. Православные опалены Православием. Они сделались недостойными причастниками Святыни Полноты веры. Эта Святыня не только живит, но и опаляет.

Сектантство, есть — неправославное искание путей Православия. По немощи человека оно совершается не «вглубь», а «вбок», т. е. не в догмате, а около догмата. Догматическая (чистая) жизнь около догмата представляет собою, конечно, большее Православие, чем недогматическая (блудная) жизнь в догмате. Это надо понять со всею ясностью, со всею определенностью Божьего Слова, прямо указывающего на это, хотя бы, в притче о двух сыновьях, из которых один сказал, что не исполнит воли отчей, но исполнил ее, а другой сказал, что исполнит, но не исполнил. Исповедание Православного Символа веры есть запечатление Евангелия. Символ должен совершаться в жизни, стать реальностью. У одного человека он совершенно не реален в жизни, хотя этот человек произносит его каждый день на молитве; у другого вера является в жизни любви его ко Господу Иисусу Христу, к Отцу Небесному и Духу Святому, и она отражается на лице его, на словах и на всех поступках. Кто ближе к Царствию Божию? Ответ ясен. Конечно, второй, «неправославный» по имени, но православный по духу и Истине, наученный самим Духом.

Православные по самоисповеданию и самоутверждению, должны понять, что Православие это отнюдь не привиллегия и не повод к осуждению других, и не гордость. Православие, наоборот, есть смирение, есть исповедание полноты Истины, как правды, так и любви. Православие должно побеждать только сиянием своим, как Сам Господь, а отнюдь не пушкой — стальной или словесной, все равно. Православие не сияет в православном обществе, в том, которое гордится своим Православием. Оно сияет в том, кто смирен в своем Православии, кто чистоту веры понимает не разумом только маленьким своим, но духом, всею жизнью.

Красота Православия дана для спасения людей, а православные ее стали обращать для осуждения, для погубления людей. Можно сказать, что нет на земле совершен-

но православных людей, но что частично православны и сами так называемые православные и те, кто не считает себя в православии, но считает во Христовой Церкви, и жизнию живет во Христе. Православие — солнечный свет, лежащий на земле. Светит для всех, но не все освещаются им, ибо кто в подвале, кто закрыл свои окна, кто закрыл свои глаза...

Но невольно возникает вопрос: не есть ли эти мысли, хотя бы в самой малой мере, отказ от чистоты православной веры, от той чистоты, ради которой столько было пролито крови и ревности святыми отцами?

О нет, это не только не отказ от чистоты православности, но это есть защита и исповедание именно ее.

Возьмем для примера почитание святых, молитвы к ним. Сектант — неразумно, не по духу — отрицает эту ветвь жизни духа. Мы утверждаем ее духовную реальность во Христе. Может ли спастись человек, не признающий этой реальности? Странный вопрос. То, что дол́жно служить как помощь спасения, может ли быть как предлог осуждения, если не воспользоваться этой помощью? Что святые ищут — прославления себя, или Бога? Конечно, Бога. И всякое истинное прославление святых есть прежде всего — прославление Бога: «Дивен Бог во святых Своих...» Значит, если мы прославляем «прямо» Бога, и прославляем действительно, нелицемерно, — святые и ангелы конечно ликуют, радуются, духовно лобзают такого прославляющего. Наоборот, если человек поет величание и акафисты святым, а в жизни своей не имеет любви к их духу — духу Христовой чистоты и правды, и любви, не является ли этот человек более поругателем святых, чем прославителем их? Благодаря ему, может быть, многие перестали прославлять святых, соблазнившись такими результатами его прославлений... О, сколь косно и грубо плотское мудрование человеческое, как распинается чистейший Дух Господень в людях!

Установления Православной Церкви суть школа духа, самая удобная, если проходится в духе. Все в Православной Церкви должно оживлять и одухотворять. Вина человека, если он оземляняется. Мы, православные пастыри, — учители во Христе. Учитель Един — Господь Иисус Хри-

стос, и никто — вне Его — не может быть учителем. Мы учим лишь, как повиноваться Единому Учителю. Мы не во имя свое, но во имя Христово учителя. Но вот мы видим, что кто-то выучился быть учеником Христовым без нас. Что же? Будем ли мы против него возставать, как хотели апостолы возстать против тех, кто «не ходит с ними» (Лук. 9, 49), но получили достойную отповедь Учителя, годную и для нас, православных пастырей. Мы радоваться должны, что человек силою Всемогущего Духа, Который «дышет, где хочет», чудесно преобразил свою жизнь, и приносит Богу плод. Нам не ясен путь Духа в этом человеке? Но разве мы поставлены судить о путях Духа, если плоды Духа ясны нашим глазам? От плодов велено узнавать. Плоды же ясно определены у апостола (1 Кор. 13, 4—8).

Непрощаем грех один только — против Св. Духа, против любви к Нему. Любящий неправду, восхваляющий грех, наслаждающийся злобой, повинен в этом грехе, но никак не умственно «признающий» или умственно «непризнающий», т. е. видящий душою или невидящий душою — той или иной истины. Если я духовный дальтонист, не вижу того или иного цвета в природе духовного мира, но остальные цвета вижу так же, как видят все, неужели я отверженный? Я скорее должен быть предметом особых попечений, особого сострадания. Сектант, который верует в Пресвятую Троицу, в необходимость духовного рождения, в необходимость сознательного отношения к крещению, в необходимость верующим не стыдиться веры своей среди равнодушных, но исповедывать ее перед всеми, верует каждому слову Священного Писания и из ревности по этой вере считает лишним все иные проявления откровений Духа Святого в Церкви за 1900 лет, (откровений, кои не противоречат, но разъясняют скрытое в Евангелии) — этот сектант неужели должен быть злобно гоним нами, православными? В чем же тогда будет наше Православие? Не только сектантов, этих братьев наших по вере в Единого Спасителя и Искупителя мира, мы не должны злобно, раздражительно и грубо гнать, и осуждать. Мы никого из людей не смеем злобно или раздражительно осуждать. Мы можем заметить ошибку, слабость, если сами чисты, но со-

болезнующе. Немилосердно мы должны только изгонять грубый дух мира сего из своего сердца. И тогда наше Православие засияет. Ибо средство немыслимо оправдать целью. Нельзя Православие защищать по язычески или по иудейски. Чистота Евангельского Духа — Православие Святое — должно защищаться евангельски, бесстрастно, мудро, с великою любовью к той душе, за которую пролита Богочеловеческая кровь.

Кидать камнями очень легко. И ветхий наш человек только ищет дозволенных предлогов для камня. Предлог ревности по вере — самый удобный. Защищается великая святыня — чистота веры и духа! Именно здесь, у защиты святыни должен человек облечься в святыню, подпоясать свои чресла постом и милостынею духа. В этом и будет Православие его жизни.

Надо открыто признать тот несомненный факт, что среди всех исповеданий веры в Истинное Боговоплощение, на земле совершившееся в Господе Иисусе Христе, Алфе и Омеге спасения, среди всех призывающих Его Святое Имя — есть духовно рожденные люди. И среди православных, и среди римо-католиков, и среди протестантов разных направлений и оттенков. Обратный факт таков, что среди и первых, и вторых, и третьих есть люди, не родившиеся духом во Христе, не возненавидевшие зла, не возлюбившие Бога всем сердцем, всем помышлением. Все те, коих Православная Церковь принимает без крещения, все те суть христиане — братья православных во Христе, и отношение к ним должно быть особенно братское, любовное. Говорим, особое, ибо братское отношение должно быть у человека ко всем людям. Как может православный обратить кого либо к вере, если не будет у него для этого человека любви? Как узнает этот человек ту веру любви, если не увидит любви у тех, кто ее проповедует?

Гордость мерзка пред Богом, и мы, православные, вразумляемся сейчас не только за грехи своей плоти, но и за грехи своего духа. «Ты говоришь: Я богат... (православен!), — а ты жалок и нищ, и слеп, и наг» (Откр. 3, 17), говорит Господь гордящемуся нелюбовному православному человеку.

Придет ли то благословенное время, когда засияет подлинное Православие в тех, кто носит Его имя?! Засияет

кротость, милостивость, чистота, любовь нелицемерная о Христе к каждому человеку, к каждой твари. В наши дни сияет вера православная в мученичестве русских людей. Но и в некоторых сектантах — мучениках и исповедниках, как и в католиках, изгоняемых и мучимых за веру Христову — прославилось Православие, истинное, нелицемерное, гораздо более чистое и святое, чем в тысячах теплохладных, боязливых, имеющих только имя, «будто живых» (Откр. 3, 1), но на самом деле мертвых последователей нашего чистого догматического учения.

Наше Православие здесь лишь отблеск, лишь отзвук Православия небесного, его вечной истины, вечных совершенств. Догматически оно чисто отражается в учении Православной Церкви, но оно есть дух и жизнь, и имеет плодом своим — только жизнь. Православие есть добрый плод, и о дереве надо судить только по плодам, по результатам его цветения. Пусть цвет некрасив, пусть листья колючи и сухи, пусть дерево низкоросло и неказисто, пусть даже поломано... Но если плод сладкий, чистый и питательный — то дерево православно в плодоносности своей. И, наоборот, пусть пышны цветы и листья, пусть огромно и чудно дерево, если плод несъедобно горек, ядовит или ничтожен, то ничто не явит истину Православия этого на вид выделяющегося дерева. И жалко будет оно, если само станет выделять себя и превозноситься над другими деревьями.

Но в чем практически состоит дух сектантства, против которого надо вооружаться молитвою и трезвением? Дух этот есть дух душевной (не духовной) ревности. Это — рационализация веры, блюдение чистоты веры и потеря глубины. Это ущерб любви. Некоторые православные по сектантски защищают свое Православие, орудуя текстами Писания или канонами, как палками, браня сектантов, или своих же православных (примеры древних и новых расколов), защищая веру свою без надежды на Бога, без любви к человеку. И, наоборот, в некоторых сектантах проявляется православный дух в отношении того или иного вопроса. Например, в отношении непонимания общения с Небесною Церковью (святыми), все сектанты будут «не признавать» этого общения, и, не желая приобщаться к его опыту Духа, горделиво отвергать это общение, но один

сектант будет обличать православных за их «идолопоклонство», другой «отдаст суд Богу», и лишь кротко помолится о просвещении братьев православных светом истины. И тот, и другой будут вне опыта православного общения с Небесной Церковью, но один будет неправославно настроен (первый), другой — православно, и, несмотря на свое неправославное исповедание веры, может быть, окажется пред Богом более православным, чем иной православный, общающийся со святыми чисто внешне — обрядно, но не поступающий в жизни по заповедям Евангельским, не стремящийся сердцем к духу святых.

Все повинны. «Нет праведного ни одного» (Рим. 3,10) — это надо понять. И не осуждать друг друга, но помогать друг другу, учиться правде друг у друга. Сколько перегородок тогда падет!

Если бы Господь ограничил Себя теми законами спасения, которые понятны нашему человеческому уму, нам бы всем пришлось погибнуть. К безмерному счастью человеческому — это не так. Законы спасения Божьего шире наших пониманий, вернее сказать — глубже. Ибо Спаситель — Господь, а мы — люди, тварь ничтожная и окаянная пред Богом. И «вся наша праведность, как запачканная одежда» (Ис. 64, 6)... Вся православность наша действительно «как запачканная одежда»... И сознание этого только выявляет, только подчеркивает безмерную истину, глубину и величие Православия.

# ТАЙНА ПРОПОВЕДИ

«Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой». (Исаия 12, 3, Иоиль 3. Иоанн 7, 38).

Проповедь есть — дар обновления истины. Всякая красота в природе мира вызывает всегда все новое и новое чувство радости. Восход и закат солнца повторяются, но каждый раз они несут все новое и новое сочетание облаков, лучей, неба, красок. И все по новому любуется человек на старую, как мир, истину творенья. Что же дает радость красоты в этих восходах и закатах? Конечно, не особенность, не новизна каждого нового сочетания лучей и облаков, но то общее, что есть во всех них. Ибо только Вседержитель может облечь светлой и чистой радостью. Формы мира меняются: знак непомерного богатства и преизбытки Жизни в Творце! Но остается в этих формах Единая Благодать, и Ею живут, движутся и сияют в душе человека эти формы красок и сочетаний вещества.

За 19 веков Христовой Церкви, ни один христианский проповедник не сказал ничего нового. Но те, которые были в Духе — каждый раз говорили по новому. Истина Христова непрестанно обновлялась в словах каждого духоносного проповедника, хотя они все говорили одни и те же слова. И потому те, которые знают, что говорят, и знают все откровение Божие о спасении человека, сами удивляют-

ся и радуются тому, что говорят, и сами поучаются своими же словами.

Господь с Вечным Откровением Своего духа любви к человеку не ушел из земной Церкви, как это хотят доказать некоторые наши заблуждающиеся братья, утверждающие, что Откровение завершилось евангельским текстом. Само Откровение учит их в наше время принимать этот текст, как божественный, и учить других принимать его. Господь, в Полноте Духа Своего, остался с нами на земле, и мы Его слышим тонким слухом нашего духа. Не только на Вселенских и поместных Соборах, не только на церковных амвонах, но и во всех словах любви, правды и скорби человечества, в просьбах нищих, в стонах больных, в исповедничестве гонимых за веру... Господь не ушел с земли! Он еще более совершенно соединился с землею после Своего небесного вознесения.

И потому все доброе, все святое, все, что только может быть названо правдой, чистотой и любовью, исходит от Него, и никак, ни в каких (даже самых мельчайших!) формах, не может быть присвоено человеку от человека. Всякий дар — чем жива душа — не от человека, но от Бога, дарующего и милующего.

Человекобожеская культура, и различные ее тонкие формы пытаются включить человека в творчество жизни рядом с Творцом, основывая эту свою глубочайше-ложную мысль на том, что человек есть образ и подобие Творца. Да, образ. Но подобием Творца (т. е. полным человеком) человек может быть лишь в Творце, в полноте самоотданности Ему, в полноте умерщвления себя в Нем. А ни коим образом не в ускользании из лона Отчаго в свою автономность, в свою самость, в свое творчество вне Творца, помимо Творца, «рядом» с Творцом...

Проповедничество — благовествование Истины есть одно из наиболее ярких проявлений в мире Духа Божия. Все внешние обстоятельства проповеди способствуют этому. Проповедник сам находится в полноте духовной концентрации (говорим об истинном проповедничестве), являющейся результатом его молитвы и поста. И слушающие его находятся обычно в самом благоприятном состоянии духа для принятия слова. Даже если проповедь не подготовлена со-

щей молитвой, она проходит в атмосфере добровольного слушания и совместного (соборного) переживания истины — любви к Богу от сердца и разума.

Всякая истинная проповедь есть, как покаяние, новое крещение душ человеческих огнем Благодати, обновление и воскресение душ. В проповеди душа причащается Слова, и жизненное, очистительное значение Божьего слова открыл Сам Господь: «вы уже очищены чрез слово, которое Я проповедал вам» (Иоан. 15, 3).

С каким страхом любви и трепетом должны приступать проповедники к своему делу! Они — не только труба Божья, просвещающая душу истиной Духа, но и труба силы Божьего очищения, от звука которой должны пасть воздвигнутые сатаной вокруг человеческой души иерихонские стены грехов и страстей.

Если проповедник не очищает своею проповедью душу, слово его праздно.

Проповедь должна исходить из того духовного сокровища проповедника, которое в нем уже есть. Подготовка к проповеди, в ее отличие от светского ораторства, есть подготовка к соединению с духом пророческим. Все ораторы соединяются с какими либо духами, если говорят вдохновенно. Но не все соединяются с чистыми и святыми духами, теми пророческими духами, которые «послушны пророкам» (1 Кор. 14, 32). Духов множество, и к атмосфере земных слов и понятий гораздо ближе духи нечистые, чем чистые. Дар «различения духов» — сопутствующий проповедническому дару.

Истинного от неистинного проповедника можно отличить по признаку внутренней духовной власти. Слово Христово, говорящее в человеке, всегда говорит с непреодолимой властью, «а не как книжники» (Мр. 1, 22). Власть книжников есть «властность» человеческая, и покоится на каких либо земных основаниях. Это, или «знаменитость» проповедника, или «эрудиция» — «ученость» его, или «красноречие», или высота положения, или еще какой либо внешний признак силы. Эти признаки, когда сочетаются с подлинным духом проповедничества, более мешают ему, чем помогают. Оттого апостолами были выбраны люди без всяких признаков внешней силы. Дух Божий явля-

ет Свою силу лишь в нищете человеческой. Дух сопрягается легче всего с яслями, пещерой и бедностью человеческой обстановки. Ибо испорчено сердце человеческое, и легко идолопоклонствует пред земными ценностями, в отношении к которым надо всецело умереть человеку, чтобы воскреснуть в новом мире.

Каждая проповедь есть дар, который каждый раз должен быть вымолен проповедником, и который не каждый раз может быть дан. То есть проповедник всегда сможет сказать что либо, если он владеет словом человеческим, и даже выказать красноречие, но, если дар не дан, — все останется шелухой; интеллектуально-диалектически может, конечно, просветить, но не возродит, не очистит и не освободит никого. Здесь тайна благовествования.

Истина проповеди всегда в посредничестве. Проповедник есть добрый посредник меж мирами чистых духов и людей, живущих на земле. Ангельское внушение, течение Света Первого от «вторых светов» принимает форму содержания проповеди данного проповедника. Кругозор проповедника, его возраст духовный, его разум духа, широта его сердца (т. е. все, что составляет Царство Божие внутри самого проповедника), а также его человеческий язык, внешние навыки и физическое состояние составляют только форму, содержанием которой должно быть вдохновение — «одухотворение», со стороны небесно-учащей Церкви ангелов и святых учителей.

Проповедь есть состояние небесной одержимости, — исступления (Деян. 10, 10; 6, 15). Человек в этом состоянии внутреннего мира является «слугой» («Где Я, там и слуга Мой будет» — по слову Спасителя; для Духа нет времени), проводником, — проводником небесного духа, атмосферы подлинного Царствия Божьего, льющегося Слова, рассекающего людей (готовых к этому рассечению) «до разделения души и духа» (Евр. 4, 12). Человек говорит, и — не человек говорит, а Первый Свет чрез «вторых светов» изливается в мир душ человеческих, проходящих земное испытание. Личность человеческая не подавлена (как бывает в демонической одержимости), но освобождена. Индивидуальность человека вся сохранена, и потому «полное впечатление», что «говорит человек». Но чув-

ство особой остроты, ясности, власти, мира благодатного, веющего от слов, показывает, что говорит не человек, но Тот, Кто сотворил человека, чтобы «ходить в нем» (Левит. 26, 12; II Кор. 6, 16).

Чем меньше будет «человека» в проповеднике, тем более будет в нем Бога, а где более Бога, там и более человека, но уже истинного, преображенного, воскресшего в Боге. Сколь велика и чудна эта тайна благовествования!

Во всем этом ясное объяснение тому, почему иногда блестящие, многоученые, говорящие обо всем правильно проповедники не перерождают ни одной души, а только, или снабжают ее мертвым знанием, или душевно, эмоционально перевертывают, возбуждают ее; и почему другие, гораздо менее видные, дают иногда сердцу поток чистой, святой, озаряющей и насыщающей дух силы, и просветляют все естество человека, пробуждая в нем знание Бога.

Не говорим о проповедниках, соблазняющих людей лицемерием своих слов, или об уклоняющихся в широкие пространства мирских тем, возбуждающих страсти в душах людей, — такие проповедники являются игрушками демонов.

«Глас Мой услышат», сказал Господь, и вот надо Его глас искать, Его глас призывать, забывая все заднее, человеческое, простираясь вперед (Фил. 3, 13) к нетленному, небесному человеческому достоинству, осиянному Светом Христовым.

«Бог всяческая во всем» (1 Кор. 15, 28) — Минуты этой благодати суть минуты благовествования.

Проповеднику, всей силой своей веры надо перестать надеяться на что либо человеческое — всецело освободить себя от всякой земной надежды, от надежды на свой «опыт», свое «знание», свое «изучение Писания»... Надо обнищать всецело, и выходить на амвон или кафедру с одной молитвой в сердце, молитвой нищего, стоящего пред Престолом Божиим с протянутой рукой — за себя и за тех, кто будет слушать.

Такое проповедничество низведет дары. И оно сделает невозможным горделивое, — явное или тайное — превозношение проповедника своими талантами.

Иначе говоря: проповедник должен умереть — для

себя и для мира. «Распять мир себе и себя миру», по глубочайшему слову апостола. И чем совершеннее будет эта смерть ветхого человека со всеми его ценностями, тем острее и ярче войдет слово проповедника в душу человеческую.

Чтобы еще более удостовериться в этой истине, вспомним слова Господни, обращенные к ученикам: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать; ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Матф. 10, 19—20). И далее: «... поведут (вас) пред царей и правителей за Имя Мое; будет же это вам для свидетельства. Итак, положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все противящиеся вам» (Лук. 21, 12—15)... Если «противящиеся» не смогут противостоять, — тем более не противостанут, но будут побеждены словом, сказанным от полноты духа, те, кто сам пришел жадно слушать это слово.

Все это — истины веры. Степень веры — доверия к Богу будет степенью послушания Его словам. Веру же нельзя доказать; ее можно только благовествовать.

С Парижского издания «Правило Духа» 1932 г.

Епархиальный Миссионерский Склад Изданий
Diocese of San Francisco. 2040 Anza St. San Francisco 18, Calif.